

В небе стояла полная луна - странное зрелище для второго апреля. Дождь усилился, и потоки воды стерли следы крови. Поглотив достаточное количество дождевой воды, маленькое облако Фэн Цзю стало мокрым, отяжелело и больше не могло держаться на плаву; наконец, оно остановилось у горной пещеры на лысой горе.

Под потеками дождевой воды она промокла до нитки; холод сковал ее конечности.

Где же Сицзэ? Он сильно пострадал? Или он уже?... В последнее время он обращался с ней довольно хорошо. Он отважился отправиться в горы Куншань, чтобы принести ей траву Хухуньцао, он даже передал ей рыбы, а когда она была поймана в ловушку своими сестрами, пришел ей на выручку.

Она не знала, была ли ее паника вызвана сочувствием или чем-то еще, дрожало ли ее тело от холода или от страха. Она не думала, что сможет остаться ждать в этой пещере. Кроме того, шел довольно сильный дождь. Независимо от того, ранен он или нет, она должна пойти и найти его.

Когда она собиралась снова броситься под проливной дождь, из пещеры донесся слабый звук. В этих старых пещерах глубоко в лесу, вероятно, было много экзотических существ. Фэн Цзю, двигаясь вдоль стены, сделала несколько шагов вперед. Не услышав поблизости звериного дыхания, она сделала еще один или два шага. В нос ей ударил знакомый запах крови.

Прежде чем она успела прислониться к каменной стене для устойчивости, Фэн Цзю неуверенно выкрикнула имя Сицзэ дрожащим голосом и упала в пещеру.

У входа в пещеру она еще смутно могла различить тень человека в лунном свете. Но теперь в пещере было темно, как будто перед глазами кто-то разлил чернила. Она всегда боялась темноты. С тех пор как она гуляла одна по ночам и в детстве упала в змеиную яму, она больше не осмеливалась выходить ночью. Она не знала, откуда сегодня взялось у нее мужество. Кругом царил мрак, ни единого лучика света не проникало в сырую пещеру. Охваченная страхом, она приготовилась осторожно вытащить ночную жемчужину, чтобы осветить дорогу. Если бы она подумала об этом еще у входа, то не скатилась бы в пещеру с таким позором. Она не знала, почему это вылетело у нее из головы.

Стоило ее пальцам коснуться жемчужины в рукаве, она внезапно почувствовала мощную силу, тянущую ее сзади. Она вскрикнула от удивления, услышав звук падения жемчужины на землю. Скатившись прямо по склону, жемчужина упала в небольшой пруд. От воды исходила слабое свечение, но освещало оно лишь ноги Фэн Цзю. Только сейчас она обнаружила, что стоит рядом с телом змея, лежащим на земле. Еще один шаг, и его клыки точно вонзились бы ей в ногу. Тело змея было разрублено пополам.

Чья-то рука схватила ее за талию и крепко прижала к себе. Хотя она была всего лишь молодой девушкой, в конце концов, она была королевой Цинцю в течение многих лет и за свою жизнь выслушала много наставлений. Она знала, что в такие моменты ее спаситель не обязательно может оказаться другом, а не врагом. Ей нужно было сохранять бдительность, поэтому она

взяла себя в руки. Используя прием, который мог бы использовать мошенник из мира смертных, она как бы нечаянно задела руку, обвившую ее талию, желая узнать побольше о человеке позади нее.

Его рука была очень гладкой, а указательный палец не был покрыт чешуей, выходит, он не был ни горным гоблином, ни местным демоном. Кончик его мизинца был гладким и круглым – значит, он также не принадлежал ни к клану упырей, ни к клану демонов. Его ладонь была намного больше ее собственной, так что он, должно быть, мужчина. Тонкие пальцы, нежная кожа – он казался избалованным богатым господином. На его ладони была тонкая мозоль. Ах, этот избалованный богатый щеголь иногда практиковался в фехтовании.

Она уже собиралась продолжить исследование, как вдруг почувствовала, что дыхание позади нее стало прерывистым. Она почувствовала мощный всплеск силы. К тому времени, как она запоздало отреагировала, Фэн Цзю оказалась прижатой к каменной стене позади нее, зажатой между стеной пещеры и этим богатым господином.

Капли воды стекали со сталактитов пещеры вниз, в маленькое озеро.

Кап, кап.

В тусклом свете ее руки были прижаты к голове. Избалованный богатый господин прижался к ней, изучая ее ничего не выражающим взглядом. Его холодные пальцы гладили ее щеку так же, как она только что гладила его руку, ощупывая ее брови, веки, нос – и случайно, и намеренно.

Она и не подозревала, что все эти ласки – такая пылкая штука. Если бы она знала, то не осмелилась бы прикоснуться к нему, даже одолжи ей кто-нибудь все свое мужество.

Ах да, она должна упомянуть, что избалованным богатым господином оказался ни кто иной, как Сицзэ.

Несколько мгновений назад она не догадалась, что это Сицзэ, потому что его рука была теплой и сухой. На ней не было липких пятен крови, и она была настолько чистой, что не походила на руку, убившую водяного змея. Если подумать, они с Сицзэ встречались много раз, но она никогда не видела его сражающимся. Судя по тому, как он себя вел, кажется, он вполне привел себя в порядок после того, как покинул поле боя.

Его пальцы остановились на ее губах, лаская ее, как будто он, полностью поглощенный, стоял перед настенным экраном, рисуя шедевр. Фэн Цзю не удержалась и сделала глубокий вдох. Пальцы, касавшиеся ее губ, словно кисть, замерли. Фэн Цзю нервно облизнула губы. Обычно ледяные глаза Сицзэ внезапно затуманились. Почувствовав, что что-то не так, она инстинктивно отстранилась от него. Однако ее еще сильнее прижали к стене пещеры. В одно мгновение губы Сицзэ прижались к ее губам.

Запоздалый вздох позволил ее губам раскрыться, позволяя его языку раздвинуть ее зубы и скользнуть в рот. Его глаза были закрыты. Каждое его движение было спокойным и элегантным, но его сила была подобна вихрю. Она попыталась вырваться, но он крепко держал ее за руки, и она не могла сопротивляться. Она почувствовала запах крови и белого сандалового дерева. Ее первоначально ясный ум внезапно уступил место полосе тумана.

У Фэн Цзю закружилась голова.

Под таким напором она едва не застонала, но, к счастью, сумела взять себя в руки. И все же эта борьба у нее во рту задержала большое количество вдыхаемого воздуха. Лишь когда он немного сбавил обороты, Фэн Цзю смогла немного отдышаться.

Ее руки, сцепленные над головой, были отпущены. Он обнял ее одной рукой за талию и притянул ближе к себе. Другой рукой он погладил ее по плечу, а затем медленно приподнял, поддерживая ее голову, чтобы она не соскользнула вниз, если не сможет удержаться. Ее свободные руки сами собой обхватили его шею, забыв о всякой борьбе. Его поцелуй стал глубже. Она не знала, почему это казалось таким знакомым, как будто ее руки должны были знать, в каком положении их нужно держать в такие моменты.

Ее разум затуманился, когда его губы коснулись ее шеи. Его теплое дыхание ласкало мочку ее уха. Ее тело было похоже на какое-то растение лотоса, зажженное его руками и сгорающее в ужасающем пламени. Это было немного похоже, немного похоже... Ее голова внезапно заболела, холодные капли дождя застучали в ее мозгу. Затем туман рассеялся, и налетел легкий ветерок.

К ней постепенно возвращался рассудок.

Звук капающей воды внезапно эхом отозвался в пещере. Словно не обращая на них никакого внимания, со сталактитов упало несколько капель воды. В тишине пещеры это было похоже на звуки цитры. Фэн Цзю уперлась в грудь Сицзэ и оттолкнула его; ее усилие было довольно сильным, но не принесло особого результата. Его губы скользнули по ее ключице, и он застонал от боли. Уткнувшись головой в ее левое плечо, Сицзэ обнял ее за талию и прошептал: «У меня кружится голова».

Ее рука на его груди была влажной. Когда она поднесла ее к глазам, в теплом свете затонувшей в пруду жемчужины Фэн Цзю увидела, что ее рука покрыта кровью. Она судорожно втянула воздух. «Ты так сильно истекаешь кровью, что было бы странно, если бы у тебя не кружилась голова» - она смутно различала слова, слетавшие с ее губ.

Мужчина, прислонившийся к ее плечу, казалось, терял силы прямо на глазах.

- Не двигайся, дай мне немного на тебя опереться.

Запах крови становился все более густым. Фэн Цзю стиснула зубы и сказала: «Просто

опираться на меня не годится, тебе нужно лечь. Твоя рана даже не перевязана».

- Ты пришла, когда я собирался перевязать рану, - ответил Сицзэ, понизив голос.

- Но я же не разрешала тебе впечатывать меня в стену, - пробормотала Фэн Цзю.

Сицзэ проигнорировал ее слова и сказал: «Это потому, что раньше мне не было больно. Не провоцируй меня на разговор. Чем больше я говорю, тем больше мне становится».

Поддержав раненого Сицзэ, Фэн Цзю рассеянно спросила себя, что это за сценарий развития событий такой.

Ею воспользовались, и воспользовались основательно.

Вполне логично, что она должна была рассердиться. Любая храбрая барышня на ее месте дала бы ему пощечину и назвала бы это легким наказанием. Но человеку, который и так получил серьезную травму, человеку, которому было больно и без ее пощечины, который стоял перед ней на грани обморока - как она может причинить ему еще больший вред?

Она не могла понять, откуда только что взялась его сила.

Такая демонстрация действительно немного напугала ее. Даже в ее снах она никогда не думала, что слово «поцелуй» может иметь такое серьезное значение. На самом деле, можно считать, что сегодня она приобрела некоторый опыт.

Под слабым мерцающим светом их тени отражались на стене пещеры, пока они слушали непрерывный шум дождя снаружи.

Под мерный рокот дождя Фэн Цзю на мгновение погрузилась в свои мысли.

В клане девятихвостых лис Цинцю человек 30 000 лет отроду был еще достаточно молод, чтобы считаться подростком. В ее возрасте она, конечно, могла испытывать любовь, но для более глубоких отношений, как те, которые происходят за закрытыми дверями спальни, было еще рановато. Когда она была маленькой лисой, чей мех был еще маленькой короткой шерсткой, она была влюблена в Дун Хуа Дицзюня и слышала от Чжэ Яня, что вместо страстной и умудренной опытом девы Дицзюнь, вероятно, предпочитает более невинный вариант. По этой причине она всем сердцем старалась быть как можно более непорочной.

В школьные годы некоторые из ее непослушных соучеников принесли в школу несколько эротических книг и пригласили ее почитать вместе с ними. Она бы прочла их, если бы у Дун Хуа Дицзюня не было таких идеалов. Но при мысли о невинной девушке мечты Дицзюня... она конфисковала книги и подарила их все своей тете.

Хороший случай, чтобы узнать о делах в спальне, подвернулся, когда она была вынуждена выйти замуж за Цан И. Предполагалось, что перед свадьбой мать поделится с ней некоторыми знаниями. Она превратила все земли Цинцю в пчелиный улей, не желая выходить за него, поэтому ее связали и насильно бросили в паланкин. Неудивительно, что ее мать, которая преждевременно старела от усталости, терпя ее выходки, забыла просветить ее.

Когда она отправилась в царство смертных, чтобы отплатить за услугу, император по имени Сун и Е Цинти были честными людьми, которые верили, что они скомпрометировали бы ее, даже просто поддержав ее мизинец без разрешения. Естественно, тогда в таких темах не было необходимости.

Теперь Фэн Цзю с удивлением обнаружила, что в ее возрасте она уже была вынуждена выйти замуж целых три раза: за императора Сун, Е Цинти и Сицзэ Шэньцзюня. Брак с Цан И Шэньцзюнем можно было считать неудачным. А прямо сейчас она носила имя вдовы, вынужденная иметь мужа. Конечно, подобные случаи были не очень странными для богов. Самое странное, что она до сих пор ничего не знала о делах в спальне. В тот год, когда она так настойчиво преследовала Дун Хуа, она смиренно верила, что ее небольшой опыт можно считать любовью, но где на Небесах и на Земле существовала такая любовь?

В прошлом она была слишком неопытна. Сегодня, после некоторого сравнения и анализа, она пришла к выводу, что среди бессмертных богинь ее невинная любовь и брак ее тети в возрасте 140 000 лет были действительно причудливыми любовными поворотами.

Ее тетки по материнской линии часто сетовали, что, несмотря на свою красивую внешность, она не обладает никакими навыками соблазнения. Она была так безнадежна, что они вздыхали снова и снова каждый раз, когда видели ее. Сегодня она поняла, что действительно опозорила семью алых лис. В прошлом, когда ее тетки смиренно вздыхали, она также размышляла о том, что если ей удастся завоевать аскетичного и лишенного желаний Дун Хуа Дицзюня, то это будет достижение, о котором не смела мечтать ни одна бессмертная. Она сможет восстановить репутацию алых лис, и все молодые лисы в клане будут поклоняться ей. Когда ее погоня за Владыкой закончилась безрезультатно, она поняла, что быть знаменитой бессмертной, возможно, не так уж и славно.

У нее больше не было этого честолюбия, все было забыто.

Размышляя об этом, она пришла к выводу, что все эти годы вела себя слишком уж целомудренно. Когда у нее будет время, она пойдет на рынок и купит немного эротических книг. Она гадала, в каком магазине могут продаваться такого рода книги.

Сухие дрова потрескивали в пылающем пламени костра. Только что Фэн Цзю использовала магию, чтобы высушить несколько вязанок влажного хвороста снаружи; половину она пустила в костер, чтобы защититься от холода и отогнать змей, а из второй половины была сделана временная постель для Сицзэ, укрытая пурпурным одеянием, которое оказалось одето на ней. Ее пурпурная мантия была очень похожа на ту, что была на Сицзэ, но она не придавала этому особого значения.

В этот момент пещера была ярко освещена светом костра. Хотя болото Шуйюэ во сне Араньи было местом хаотичным, его также можно было считать благоприятным местом. Окружающие его небольшие холмы были неземной красоты, и даже эта маленькая пещера казалась довольно уникальной.

Они остались здесь на некоторое время. Внутри обширной пещеры стены были оплетены глициниями, их тени отражались в отблесках огня. Рядом с маленьким прудом неожиданно обнаружилось дерево дзен, чья крона была покрыта листвой даже в этой вечной темноте. В пруду плавало несколько восьмилепестковых лотосов, белых и красных. Это место, казалось, было создано для медитации.

Господин Сицзэ лежал на временной соломенной кровати, которую она соорудила. Его лицо все еще было бледным. На повязке, под которой была рана от змеиного рога, виднелось кровавое пятно, но его общее самочувствие, кажется, улучшилось.

Фэн Цзю была рада, что рог змея пронзил только его плечо. Сидя на расстоянии от него, она спросила: «Все еще больно и неудобно? Могу я с тобой поговорить?»

Сицзэ показалось, что она сидит в другом конце пещеры. Он нахмурился.

- Да, но на таком расстоянии тебе, наверное, придётся кричать.

Фэн Цзю придвинулась на несколько дюймов ближе и остановила взгляд на его кровоточащем плече. Чувствуя боль и дискомфорт, видя его состояние, она спросила: «Когда он атаковал тебя, почему ты не уклонился?»

- Я совсем тебя не слышу. Ты можешь говорить громче?

Фэн Цзю надула щеки и, приблизившись еще на несколько дюймов, раздраженно сказала: «Уверена, всё ты слышишь». Но невозмутимое лицо Сицзэ казалось таким, будто, если она не сядет рядом с ним, он никогда не откроет рта. Будучи чрезвычайно любопытной, она взяла сделанное из соломы подобие подушки и сев поближе к нему, снова спросила: «Почему ты не уклонился?»

- А почему я должен был уклоняться? – спросил Сицзэ, глядя на нее. - Я ждал этой возможности два дня. Если бы я не подверг себя опасности, как смог бы убить его?

Он произнес эти слова без особой серьезности, но Фэн Цзю слушала их со страхом, и рассудительно возразила: «Есть люди, которые постоянно выигрывают сражения, не ставя себя в такое затруднительное положение, как ты. Ты слишком безрассуден». И все же в глубине души она знала, что он не безрассуден и что все, что он делает, он делает хладнокровно. Иначе змеиный рог пронзил бы не только его плечо. Она никогда не бывала на полях сражений, но в целом понимала стратегию ведения боя. А в словесной перепалке самое главное было, конечно, спровоцировать собеседника. Победа в таких случаях все равно считалась бы

доблестной.

Сицзэ не поддался на ее провокацию, как она надеялась. Вместо этого его глаза были полны недоумения.

- Неужели в наши дни люди называют такие пустяки битвой? Это всего лишь детская забава. Убийство этого змея даже не стоит упоминания.

Фэн Цзю сухо ответила: «Ты был слишком самоуверен. Если бы ты использовал магию, ты был бы невредим. Почему ты не использовал магию?»

Сицзэ на мгновение задумался над этим вопросом и осторожно предположил: «Чтобы доказать, что я хорошо владею мечом?»

Фэн Цзю схватила небольшой камень, желая нанести ему еще больший урон, но Сицзэ схватил ее за руку, изучая ее лицо. Он понизил голос: «Ты сердишься, потому что мои поцелуи были недостаточно хороши сейчас?»

Фэн Цзю сжала маленький камешек, пока разум ненадолго покинул ее. Она пребывала в полнейшей растерянности от того, как они переключились на эту тему. Разве только что они не говорили о чем-то серьезном? Она на мгновение замешкалась, вся кровь бросилась ей в голову. Она стиснула зубы и спросила: «Разве не про тебя говорили, что ты воздержанное божество?»

Сицзэ задумался на миг и ответил: «Я был отравлен. Ядовитой кровью змея».

Фэн Цзю всмотрелась в его лицо. Это красивое и бледное лицо выглядело искренне, и она решила, что его доводы вполне правдоподобны. В последнее время Сицзэ по какой-то причине был с ней более дружелюбен. Вспоминая тот день, когда Цзюйно опоила ее любовным зельем, и она соблазняла его всеми возможными способами, он и не подумал воспользоваться ситуацией. Хотя он часто делал непонятные вещи, она была уверена в его благородстве.

В глубине души она верила, что это было нечто неподвластное его контролю. Хотя это ей воспользовались, он, должно быть, тоже чувствовал себя ужасно, и она вдруг почувствовала сочувствие.

- Я читала в тетушкиных книгах, что подобные отравления не редкость, и были даже более серьезные случаи, чем у тебя. Если это было для обезвреживания яда, то я не из тех бессмертных, у которых нет желания подвесить бутылку из тыквы [1]. Давай больше не будем об этом говорить, ты также не должен чувствовать себя виноватым, просто забудем об этом.

Сицзэ согласился: « Хорошо, я постараюсь не чувствовать себя виноватым».

Он повернулся боком и сказал: «Спой мне народную песню».

- Зачем? - с сомнением спросила Фэн Цзю.

- Мне очень больно, я не могу уснуть.

Хотя он покривил душой, Фэн Цзю поверила ему без малейшего сомнения, и слово «больно» мгновенно впилося ей в сердце.

Сильный человек, иногда проявляющий слабость, был еще более жалок, и она тут же прониклась сочувствием. Она заметила, что Сицзэ все еще держит ее за руку, но больше не ощущала, что он ею пользуется. Вместо этого ей казалось, что он испытывает сильную боль и просто ищет поддержки.

Как только в ней проснулось сострадание, ее чувства тут же вышли из-под контроля. Заметив, что Сицзэ неудобно держать ее за руку, она просто оставила свою соломенную подушку и села рядом с ним. Она знала, что настроение Сицзэ в это время оставляло желать лучшего, и поэтому решила спеть несколько легких детских стишков.

Слабое эхо поплыло по пещере, как слой тумана. Голова Сицзэ покоилась у нее на коленях, а ее руку он прижимал к своей груди. Его глаза были полуприкрыты, и он казался совершенно умиротворенным.

Ей показалось, что он заснул, и она перестала петь. Тут же раздался его низкий голос: «В детстве я тоже слышал несколько детских стишков; они отличались от твоего пения».

«Ты же не поешь», - ответила Фэн Цзю.

Глаза Сицзэ оставались закрытыми. «Кто сказал, что нет?» - возразил он, а потом тихонечко напел:

«В ночь на пятнадцатое яркая луна,

Зеленый холм сияет лунным светом.

Ограда тянется у подножия холма,

Девушка бобов зеленых сеет семена.

Оплетают изгородь виноградные лозы,

Чьи зеленые лепестки сорвут для ирисок».

На памяти Фэн Цзю даже ее отец не пел детские стишки, чтобы убаюкать ее в детстве. За 30 000 лет своей жизни она никогда не ассоциировала слова «детские стишки» с мужчинами. Но пение Сицзэ заставило ее понять, что ее впечатление относительно детских стишков и мужчин было ошибочным. Его голос и так был очень хорош, а когда он пел, он становился глубже, превращая песню в древний гимн. Однажды она уже слышала, как бабушка поет эту песню, но чувства, что она испытывала тогда, были совершенно другими.

Спустя долгое время она пришла в себя и мягким голосом произнесла: «Я слышала эту песню раньше, но последняя строчка не такая. Там было «для приданого». Оплетают изгородь виноградные лозы, чьи зеленые лепестки сорвут для приданого. Ты изменил текст песни, не так ли? В юности ты любил есть ириски?»

Пещера ненадолго погрузилась в тишину. Огонь вот-вот должен был погаснуть. Фэн Цзю прислонилась к дереву дзен, ожидая ответа. Голос Сицзэ звучал еще тише, чем ее собственный: «Наверное, любил бы, если бы попробовал. У меня не было родителей, поэтому никто не давал мне ириски, когда я был маленьким. Возможно, я испытывал зависть, наблюдая за тем, как едят другие дети». Фэн Цзю почти задремала, но его слова немного огорчили ее, когда дошли до ее ушей. Она не могла помочь, но легонько сжала его пальцы. Сегодня вечером она много узнала о Сицзэ.

- Позже ты приготовишь мне их?

Она кротко кивнула, услышав его вопрос. Веки Фэн Цзю отяжелели. Не в силах открыть глаза, она погладила его ладонь, как будто успокаивая ребенка.

- Хорошо, я приготовлю их для тебя. Я делаю ириски лучше всех.

В угасающем свете костра тени глициний на стенах пещеры постепенно исчезали, и лотосы о восьми лепестках в пруду тоже сомкнулись.

Бессмертный в пурпурном одеянии открыл глаза и взглянул на спящее лицо девушки. Ее темные волосы цвета воронова крыла свободно спадали до земли, как полоска черного шелка. Не собранные в пучок волосы открывали изящное и по-детски невинное лицо. Алая метка, словно перья Феникса, изящно украшала ее белоснежное лицо. Это была Фэн Цзю, королева, которую он выбрал.

Однако она применила это корректирующее заклинание очень небрежно. Колдовство такого низкого уровня могло обмануть только Чачу и других слабых в магии Бийняо.

Он погладил алую метку на ее лбу и закрепил корректирующее заклинание, наложенное на ее тело. Она что-то пробормотала, но не проснулась. Скрещивание между девятихвостыми белыми лисами и алыми было нелегким делом. Будучи единственной девятихвостой алой лисой

в мире, она выросла настолько прекрасной, что это можно было считать благословением предков. Он считал, что у него очень зоркий глаз.

Но его тревожили некоторые странности.

Владыка был убежден, что лично поместил душу Сяо Бай в лоно Цзюйно, но в конечном итоге она вошла в тело Араньи. Раньше он приписывал это ущербу созданию этого мира, но сегодня ее душа вернулась в свое тело.

Это было крайне необычно.

Если представить, что Сяо Бай - это Аранья, а Аранья - это Сяо Бай....

Дицзюнь осторожно наложил сонные чары на лоб Фэн Цзю, встал и вынес ее из пещеры.

Рана на плече все еще болела, но он привык к такой боли; он притворялся перед Фэн Цзю, потому что обнаружил, что Сяо Бай очень мягкосердечна. Даже вызвав ее чудовищный гнев, пока он будет притворяться слабым, всё сойдет ему с рук. Это была главная слабость Сяо Бай, но он не беспокоился, что другие божества мужского пола воспользуются ее уязвимостью. Даже возникни у них такое намерение, найдется ли кто-нибудь настолько же толстокожий, чтобы сделать это? Иногда он действительно не понимал этих людей. Кожа и лицо были телесными вещами, неужели они так важны?

Звезды усеивали небо, холодный дождь прекратился.

Через мгновение он обнаружил тело Араньи в затонувшем ледяном гробу на дне водоема. Владыка, державший Фэн Цзю на руках, вызвал облако, чтобы унести ледяной гроб Араньи. Когда он покинул это не поддающееся законам мира сна болото и переключил свое внимание, тело Араньи, как и ожидалось, таяло на глазах, пока не осталось никаких следов. Через несколько мгновений в ледяном гробу не было никакой красавицы.

Фэн Цзю, обхватившая его руками за шею, вдруг зашевелилась в его объятиях. Он нашел старое дерево, сел на него и позволил ей устроиться в его объятиях поудобнее. Задумавшись, он слегка нахмурился.

Это была замена.

Потому что Сяо Бай была Араньей, или потому что Аранья была реинкарнацией Сяо Бай, ее душа вошла в тело Араньи и заменила ее душу, игнорируя его магическое вмешательство. Если бы он не принес тело Сяо Бай в болото Шуйюэ для исцеления, если бы ее тело подчинилось механизму этого мира, она бы полностью завладела Араньей – как телесной оболочкой, так и душой.

Но если Сяо Бай действительно Аранья...

Если он не ошибается, Аранья родилась 295 лет назад, на пятом году правления короля Удэ Сянли Цюэ, в период упадка золотой эры клана Бийняо.

Триста лет назад он потратил большую часть своего времени на то, чтобы залатать брешь в царстве Мяои Хуэймин, когда оно обнаружило признаки надлома и угрожало принести миру первое бедствие. Чтобы восполнить потраченные духовные силы, ему пришлось спать почти сто лет. Когда Аранья родилась, он пребывал в вечном сне без сновидений. Хотя он не знал, что происходит в мире, согласно последнему докладу Чжунлиня о делах Небесного Царства, Сяо Бай должна была заниматься самосовершенствованием в Цинцю в то время.

Сплетник Сымин также упомянул, что за эти триста лет единственный раз, когда Сяо Бай надолго покинула Цинцю, был 228 лет назад, когда она отправилась в царство смертных почти на десять лет, чтобы отплатить за какую-то услугу.

То есть, когда Аранья появилась на свет, Сяо Бай не могла находиться в долине Фаньинь. Временные рамки не совпадали, и время их рождения тоже.

Сяо Бай и Аранья, несомненно, были связаны, но какого рода была эта связь, сейчас выяснить не было никакой возможности.

Будь здесь зеркало Мяохуа, он мог бы заглянуть в прошлую и настоящую жизни Араньи, и загадка была бы решена. Но, к сожалению, зеркало Мяохуа в настоящее время находилось на Девяти Небесах.

Он всегда считал, что от этого зеркала-водопада нет никакой пользы, кроме того, что оно приятно глазу. Он не ожидал, что настанет время, когда оно может пригодиться.

Пока он мог лишь попытаться сделать такое же. Он решил, что нужно выяснить, есть ли здесь подходящие материалы. Он вспомнил, что в долине Фаньинь было несколько священных пиков. Прошло много времени с тех пор, как он в последний раз занимался подобным, а зеркало Мяохуа можно было считать одним из самых трудных изделий для изготовления. Это займет у него некоторое время.

---

[1] 懸葫濟世(xuán hú jì shì) - подвешивание бутылки из тыквы для спасения жизней (в знач. практикуй медицину, чтобы помочь людям). Эта идиома происходит от истории, где старик продавал лекарства на рынке, а над лавкой висела тыквенная бутылка. Позже было обнаружено, что этот человек был бессмертным, который отбывал наказание на земле, и его

смертный ученик с полученными от него знаниями о целительстве вернулся, чтобы спасти жизни. После этого медицинские учреждения вывешивали тыквенные бутылки у своих дверей в качестве медицинского символа.

<http://tl.rulate.ru/book/32932/779841>